

Носов Илья Сергеевич

ФРАЗЕОЛОГИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ "УБИТЬ" В "ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ": КРОВЬ ПРОЛИВАТИ

В статье проведено комплексное исследование употребления фразеологизма кровь проливати в "Повести временных лет". Исследование показало, что фразема, представляя собой библеизм, является составляющей частью культурно значимой парадигмы, формирующей нравственные ценности христианского сознания. В ходе анализа уточнено ядерное значение "убить, лишить жизни": во всех контекстах фраземы представляются не просто как вербализация конкретного действия, а скорее как маркер этической оценки этого действия; в ряде контекстов реализуется значение "об убийстве, отражающем нормы обычного права (кровная месть, ордалии)".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 131-134. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

В статье проведено комплексное исследование употребления фразеологизма **кровь проливати** в «Повести временных лет». Исследование показало, что фразема, представляя собой библеизм, является составляющей частью культурно значимой парадигмы, формирующей нравственные ценности христианского сознания. В ходе анализа уточнено ядерное значение «убить, лишить жизни»: во всех контекстах фраземы представляются не просто как вербализация конкретного действия, а скорее как маркер этической оценки этого действия; в ряде контекстов реализуется значение «об убийстве, отражающем нормы обычного права (кровавая месть, ордалии)».

Ключевые слова и фразы: древнерусская фразеология; фразеология «Повести временных лет»; семантическое поле «убити»; фразема *кровь проливати*.

Носов Илья Сергеевич

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
имени Н. П. Огарева, г. Саранск
classic3@list.ru

ФРАЗЕОЛОГИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ «УБИТЬ» В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: **КРОВЬ ПРОЛИВАТИ**

1. Введение

Непреходящее значение «Повести временных лет» (далее в тексте ПВЛ) для исследования различных аспектов не только исторического бытования русского языка и формирования русского культурного сознания, но и современного его состояния очевидно, даже если обращаться только к научной литературе первых десятилетий XXI века [1; 4; 6-9; 11; 14; 15]. Непосредственным источником исследования в нашей работе являются те летописные статьи ПВЛ по Лаврентьевскому списку 1377 года [12], в которых использован фразеологизм *кровь проливати*.

Выбор конкретного материала исследования обусловлен сущностной значимостью действия *убить*, являющегося семантической доминантой исследуемой фраземы, а архаический код восточнославянского культурного сознания, скрытый во фразеологии, позволит внести уточнения в представления о ее семантике.

Структура семантики и образ фразеологизма, безусловно, восходят к библейским текстам, в которых он широкоупотребителен и закрепляется христианской этической традицией, носителем которой является составитель ПВЛ монах Нестор. В христианском сознании убийство воспринимается как греховное деяние и актуализируется в целом корпусе библеизмов, который гораздо шире употребленных в ПВЛ, например: *искати души чьей-л.* – «желать чьей-л. гибели», *обратити / повергати в прах* – «уничтожать до основания, полностью кого- или что-либо», *погубить душу* – «совершить убийство, лишить жизни невинного», *накладывать / наложить руки на кого-л.* – «убить, умерщвлять кого-л.» [5; 13; 22].

Фразеология рассматривается нами вслед за Н. М. Шанским в широком ее понимании как «воспроизводимая значимая единица языка из двух или более ударных компонентов словного характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре» [Цит. по: 23, с. 64].

Выводы исследования опираются на результаты, полученные в ходе применения методов этимологического и синхронно-сопоставительного анализа; а также при отборе материала – метода сплошной выборки, при рассмотрении ключевых компонентов фраземы – приемов компонентного анализа, при уточнении семантики фраземы – приемов дефиниционного анализа с использованием материалов широкого круга лексикографических, фразеографических источников, научной (лингвистической, литературоведческой, культурологической, этнографической и др.) литературы, для актуализации смыслов – методы наблюдения и интерпретации текста в рамках контекстного анализа.

2. Структура и семантика фраземы *кровь проливати*

Как показывает анализ, в ПВЛ наблюдается варьирование компонентного состава фраземы, связанное, во-первых, с использованием видовых пар и дериватов компонента-глагола: *кровь проливати / пролити / проли(ь)яти*; во-вторых, с расширением компонентного состава, сопровождаемым уточнением сочетаемости фраземы: *проляти / изляти кровь свою за / ради (кого-, чего-л.)*.

По данным исторической лексикографии, расширение состава приводит к семантической дифференциации фразем, при которой поликомпонентные структуры последовательно реализуют одно значение – «погибнуть (гибнуть), пострадать (страдать) за кого-, что-л.; пролить кровь за кого-л.; о самоотверженной гибели» [18, с. 33; 19, с. 92; 20, с. 68]. Семантика двухкомпонентных структур трактуется по-разному: в одних словарях они приведены как многозначные со значениями «пожертвовать жизнью» и «совершить кровопролитие, лишить жизни» [21, стб. 1541], «о самопожертвовании» и «о пролитии крови, убийстве» [19, с. 94]; в других – как имеющие только одно значение – «убить (убивать) кого-л.» [20, с. 68]. Отметим, что в старославянских текстах лексикографы выделяют только двухкомпонентную фразему *проляти, проливати, изляти*

кровь с тремя значениями: «погибнуть (гибнуть), пострадать (страдать) за кого-л., что-л.»; «совершать убийство, предавать смерти»; «убивать (на войне)» [22, с. 226].

2.1. Семантика двухкомпонентных фразем

В ПВЛ двухкомпонентные фраземы использованы в различных летописных статьях, содержание которых, однако, связано общей идеей греховности самой цели, которая достигается ценой умышленного убийства – действия субъекта, передаваемого фраземой *пролити кровь*.

Таковы описания княжеских междоусобиц, сопровождаемых единичными санкционированными убийствами (как в случае с убиением братьев Бориса и Глеба Святополком Окаянным в статье под 1015 г.: *ѡ сажовыхъ бо Солом[он]ъ реч. скорѣ сѹть пролити кровь бес правды. <...> и събра Ярославъ Варѡгъ тысѡчю. а прочѣхъ вои. мѣ. и поиде на Стѡполка нарекъ Баѣ. рекъ не ѣа почяхъ. избивати братю. но ѡнъ. да будетъ ѡмѣстникъ Бѣѣ крове братѣа моѣа. зане безъ винѣ прольѣа кровь Борисову. и Глѣбову праведною* [12, л. 45 об., 48]), и военных действий, приведших к массовой гибели русских воинов (как в описании битвы на реке Сожице 1078 г., когда князя Олег и Борис, призвав половцев, разбили войско князя Всеволода и заняли Чернигов: *приведе ѡлегъ и Борисъ. поганѣа на Русьскую землю. и поидоста на Всеволода с Половци. <...> ѡлегъ же и Борисъ. придоста Чернигову мнѡщѣ ѡдолѣвшѣ. а землѣ Русьскѣи много зло створише. проливше кровь хѣѡланьску. ѣаже крове взѣщеть Бѣѣ ѡ руку юо. и ѡвѣѣтъ дати има за погубленѣе дшѣа хѣѡланьскѣи* [Там же, л. 67]) или мирного населения (как в эпизоде междоусобной войны 1097-1100 гг. о действиях войска Василька Тербовольского: *и повелѣ Василко исѣѣчи всѡ. и створи мищеньѣ на людеѣ неповиннѣи. и прольѣа кровь неповинну* [Там же, л. 90]).

Таковы и описания под 1095 и 1103 гг. последствий опустошительных набегов половцев: *Придоша Половци Итларѣ. и Кѣтанѣ к Володимеру на мирѣ. <...> и начаша думати дружина Ратиборѡ со кнѡземъ Володимеромъ ѡ погубленѣи [И]тларевѣи чади. Володимеру же не хотѡще сего створити. ѡвѣѣща бо како се могу створити. ротѣ с ними ходивѣ. ѡвѣѣщавше же дружина рокоша Володимеру. кнѡже нѣту ти в томъ грѣха. да ѡни всегда к тобѣ ходѡще ротѣ губѡтъ землю Русьскую. и кровь хѣѡланьску проливають бесперестани* [Там же, л. 75 об.]; *а Белдюзѡ ѡша. <...> нача впрашати кѡго Володимерѣ. то вѣдѣѣѡ ѡла въ рота. многаждѣ бо ходивши ротѣ. воеваше Русьскую землю. то чему ты не казаше снѣвъ своихъ. и роду своѡго не преступати ротѣ. но проливаше^м кровь хѣѡланьску* [Там же, л. 94].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что фразема *кровь пролити* во всех этих употреблениях является не средством обозначения конкретного действия, совершаемого конкретным субъектом, а маркером этической оценки этого действия вне зависимости от субъекта – будь то русский князь или половецкое войско. Причем резко отрицательная коннотация, сопровождающая семантику «убить, лишить жизни», создается не только общим содержанием контекстов, но и конкретной сочетаемостью фразем: *пролити кровь бес правды / безъ винѣ; пролити кровь хѣѡланьску / неповинну*.

Показательно в оценке умышленного убийства как преступного деяния и непосредственное обращение летописца к библейскому ветхозаветному тексту: *ѡ сажовыхъ бо Солом[он]ъ реч. скорѣ сѹть пролити кровь бес правды* [Там же, л. 45 об.].

Особый интерес употребление фраземы в качестве образца резко негативной оценки поведения представляет в описании нравов половцев в дохронологической части ПВЛ, где противопоставление христианского идеала и языческого – половецкого – четко вербализовано: *ѡкоже се и при насѣ нынѣ. Половци законъ держатъ ѡцѣѣ своиѣ. кровь проливати а хвалѡще ѡ сихъ. [и] ѡдуще мерѣтвечину. и всю нечистоту. хомѣки и сусолѣ. [и] поймають мачехи своѡа. [и] ѡтровѣи и инѣ ѡбѣчѣѡѣ отецъ своихъ. [творѡтъ] мѣи же хѣѡланѣ слико землѣ. ѡже вѣѣрують въ стѣую Трѣцю [и] въ едино крѣщеньѣ въ едину вѣѣру законъ имамъ единѣ. елико во Хѣа крѣтихомсѡ и во Хѣа ѡблекохомсѡ* [Там же, л. 6]. Летописец-христианин приемлет нормы обычного права, допускающие кровную мсть и ордалии по типу судебного поединка, и определяет их как убийство. Но половцы, по определению историков, следовали обычному праву; более того – обучали детей военному ремеслу с раннего возраста, а «все могущие носить оружие, даже молодые женщины, участвовали в военных действиях», а охоту, основной способ добычи пропитания, воспринимали как «поход (набег) на чужую страну» [16, с. 134, 137]. Половецкое общество сохраняло и кровную мсть, и клятву на крови, и судебный поединок (Божья кара), и лишение жизни человека в этих случаях было явным и не только не считалось преступлением, но с точки зрения обычного права предписывалось. На наш взгляд, семантика фраземы *кровь проливати* в этом контексте требует уточнения – «об убийстве, отражающем нормы обычного права (кровная мсть, ордалии)».

Говоря о природе агрессивности половцев, летописец противопоставляет аксиологию языческого и христианского сознания. Нравственный идеал летописцем уже сформулирован: это крестившийся князь Владимир, который осознал греховность любого убийства и потому начал вести миролюбивую внешнюю политику и запретил смертную казнь как правовую норму: *и бѣ живѣ сѣ кнѡзи ѡколними миромѣ. сѣ Болеславомѣ Лѡдѣскѣимѣ. и сѣ Стефаномѣ Оугрѣскѣимѣ. и сѣ Андрихомѣ Чешѣскѣимѣ. и бѣ мирѣ межю ими и любѣ. живѡше же Володимерѣ в страѣ Бѣѣѣ. и оумножишасѡ [зело] разбоеве. и рѣѣша еѣпи Володимеру. се оумножишасѡ разбоиници. почто не казниши ихъ. ѡнъ же реѣ имѣ боюсѡ грѣха* [12, л. 43 об.]. Примечательно, что восстановление смертной казни, в изложении летописца, не ставится в вину князю,

оно оправдано церковью: *wnи же рѣша ~му ты поставленъ ~си ^ Ба~, на казнь злымъ. а добрымъ на милуванъе. достоить ти казнити разбоиника. но со испытомъ. Володимеръ же отвергъ вирѣ нача казнити разбоиникы. и рѣша епѣпи и старци. рать многа вже вира то на вружыи. и на кони^х буди. и ре^ѣ Володимеръ [та^к боу^ѣ. и жив^ѣ Во^{ло}димеръ] по устроенью итнью и дѣдню [Там же, л. 44]. Поскольку разбой (в отличие от воровства) сопровождался убийством [10, с. 145-146], то возвращение к *устроенью итнью* и *дѣдню* возвращало, по существу, и кровную месть.*

Семантика термина *кровная месть* не имеет оценочности, сохраняя в прасеме связь с индоевропейской ритуально-правовой лексикой, сопоставление которой приводит исследователей к выводу «о недифференцированности <...> понятия “платы”, “возмещения” в ритуально-правовом смысле. Кровная месть считается таким же возмещением (платой за кровь), как и возмещение за убыток или плата за невесту» [3, с. 809]. Как возвращенная норма обычного права воспринимается не только законодательное решение князя Владимира Святославича, но и смертный приговор Владимира Мономаха, вынесенный половцам, под 1095 и 1103 гг.: *Придоша Половци Итларь. и Кытанъ к Володимеру на миръ. <...> и начаша думати дружина Ратиборъ со кнѣземъ Володимеро^м ѡ погубленъи [И]тларевъи чади. Володимеру же не хотѣще сего створити. ѡвѣща бо како се могу створити. ротъ^ѣ с ними ходивъ. ѡвѣщавше же дружина рокоша Володимеру. кнѣже нѣту ти в томъ грѣха. да иши всегда к тобѣ^ѣ ходѣче ротъ^ѣ губѣть землю Русьскую. и кровь хѣганску проливають бесперестани. <...> потомъ оубиша Кытана и дружину кго избиша [12, л. 75 об.]; а Белдюзъ паша. <...> нача вращати кго Володимеръ. то вѣдѣ^ѣ паша вы рота. многажды бо ходивши ротъ^ѣ. воевасте Русьскую землю. то чему ты не казаше снѣвъ своихъ. и роду своѣго не преступати роты. но проливаше^ѣ кровь хѣганьску. да се буди кровь твоѣа на главѣ твоѣи [Там же, л. 94]. Оправдывая действия князя, летописец опирается на библейскую традицию, закрепленную в семантике фразеологизма *кръвь (кого-л.) на (ком-л.)* – «об ответе за пролитую кровь, за убийство» [18, с. 309].*

2.2. Семантика поликомпонентных фразем

В поликомпонентных фраземах обозначение несправедного действия оказывается периферийным, доминантным же становится результат действия, воспринимаемый в христианской аксиологии как искупительный подвиг за грехи людей и приравняемый к святости: по толкованию Феофилакта Болгарского, «всякий, терпящий здесь (в земной жизни – *И. Н.*) зло, терпит или для оставления грехов, или для умножения венцев» [2, с. 27]. Таково употребление фразем в летописной повести об убийении Бориса и Глеба: *любве бо ради сниде Гъ на землю. и распѣтьсѣа за ны грѣшныѣа. <...> любве ради мчѣнцы прольѣша крови своѣа. любве же ради сии кнѣзь прольѣ кровь свою за брата своѣго. свершаша заповѣдь Гню [12, л. 68 об.]; в описании под 1093 г. трагического финала осады половцами Торческа: *не по множеству грѣховъ тако Гъ створи на^ѣ. созда падиша въставитъ. Адамле преступленъе. прости баню нетлѣныѣа дарова. и свою кровь за ны изльѣа. яко^ж ны видѣ^ѣ неправо пребывающа. нанесе на^ѣ сущюю рать и скорбь [Там же, л. 74 об.].**

Особый интерес представляет использование поликомпонентной фраземы в летописном рассказе о междоусобице 1097-1100 гг. (формулировка позиции Василька Ростиславича в переговорах с Давыдом Игоревичем): *и повѣда^ѣ. юму всѣ рѣчи Давыдовы. ии же ре^ѣ сего кмъ не молвилъ. но надѣюсѣа на Бъ~. пошлю да бѣша не прольѣли мене ради крови [Там же, л. 89 об.]. По нашему мнению, здесь более вероятно уточненное значение «убить из-за кого-л. / чего-л., по чьему-л. приказу». Возможность такого уточнения подтверждается, во-первых, фиксируемыми словарями употреблением предлога *ради* «для обозначения причины действия» (как предлог *из-за*) [19, с. 456]; во-вторых, в Радзивилловской и Московско-Академической летописях дан вариант фраземы *не прольѣли крови хрестьяньския мене дѣля* [12, стб. 265-266 (варианты)]; предлог *дѣля* очевидно указывает «на причину совершения или несвершения какого-л. действия» [17, с. 162], что совпадает с функцией предлога *из-за*, но не с функцией предлога *во имя* для указания «на лицо или предмет, ради которого что-л. делается» [Там же, с. 163], как в остальных поликомпонентных фраземах.*

3. Основные выводы

Как показывает проведенный анализ, семантическое поле *убити* в ПВЛ образуют фраземы *кровь проливати, умерети смертью, лечь костями, сложить голову, мертвые сраму не имут, убиство створити*, имеющие в семантической структуре на ядерном или периферийном уровне семантику «об убийстве».

Варьирование компонентного состава исследуемой в статье фраземы вызвано использованием видовых пар и дериватов компонента-глагола: *кровь проливати / пролити / проли(в)яти*; также расширением компонентного состава, сопровождаемым уточнением сочетаемости базовой фраземы: *пролияти / излияти кровь свою за / ради (кого-, чего-л.)*. Представляя собой библеизмы, они являются составляющей частью культурно значимой парадигмы, формирующей нравственные ценности христианского сознания составителя ПВЛ.

Двухкомпонентная фразема во всех структурных вариантах отражает семантику «убить, лишить жизни», которая представляется не средством обозначения конкретного действия, совершаемого конкретным субъектом, а скорее маркером этической оценки этого действия вне зависимости от субъекта. Однако в ряде контекстов вероятнее, по нашему мнению, уточненная семантика «об убийстве, отражающем нормы обычного права (кровная месть, ордалии)».

Варианты поликомпонентной фраземы с обоими предлогами имеют значение «о насильственной гибели как акте самопожертвования», однако в летописной повести о Васильке Тербовльском для фраземы с предлогом *ради* вероятнее, по нашему мнению, семантика «убить из-за кого-л., по приказу кого-либо».

Список источников

1. Аникин Д. В. Исследование языковой личности составителя «Повести временных лет»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Барнаул, 2004. 24 с.
2. Блаженный Феофилакт Болгарский. Толкование на Святое Евангелие блаженного Феофилакта Болгарского: в 2-х т. М.: Сибирская Благовонница, 2010. Т. 1. 229 с.
3. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2-х ч. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1984. 1409 с.
4. Гиппиус А. А. Как обедал Святослав? (Текстологические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 47-54.
5. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010. 808 с.
6. Иванайнен О. В. «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 16-17. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 389-582.
7. Киржаева В. П. История лексических гапаксов «Повести временных лет» // Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения В. М. Маркова): мат-лы. Междунар. науч. конф. Казань: Казан. ун-т, 2012. Т. 2. С. 156-164.
8. Киржаева В. П. Отражение терминологии древнерусского права в «Повести временных лет» // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы V Междунар. конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 55-56.
9. Киржаева В. П. Статус и формы «чужой речи» в древнерусской житийной литературе (на материале житий XII-XIII вв.) // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы III Междунар. конгресса исследователей русского языка. М., 2007. С. 60-61.
10. Киржаева В. П., Якунченкова И. А. Терминообразовательное гнездо *тать* как компонент древнерусской юридической терминосистемы // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-2. С. 143-147.
11. Кушнир М. И. Древнерусский летописный текст как источник юридического документа: теоретико-методологический анализ // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6. Вып. 2. С. 207-217.
12. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей: в 43-х т. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 1. 496 с.
13. Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов. М.: Lingua; АСТ: Астрель, 2010. 640 с.
14. Осовский О. Е. Древнерусский юридический текст в лингвистических и смежных гуманитарных исследованиях последних десятилетий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (31). Ч. 2. С. 146-150.
15. Петрухин П. В. Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2003. 27 с.
16. Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990. 210 с.
17. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 11-ти т. М.: Русский язык, 1990. Т. 3. 511 с.
18. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 11-ти т. М.: Русский язык, 1991. Т. 4. 559 с.
19. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 11-ти т. М.: Русский язык, 2012. Т. 9. 480 с.
20. Словарь русского языка XI-XVII вв.: в 30-ти вып. М.: Наука, 1982. Вып. 9. 360 с.
21. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. СПб.: Тип. ИАН, 1893-1912. Т. 2. 901 с.
22. Фразеологический словарь старославянского языка / отв. ред. С. Г. Шулежкова. М.: Флинта: Наука, 2011. 416 с.
23. Шанский Н. М., Иванов В. В. Современный русский язык: в 3-х ч. 2-е изд-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1987. Ч. 1. 192 с.

**PHRASEOLOGY WITH THE MEANING “TO KILL”
IN THE “PRIMARY CHRONICLE”: *TO SHED BLOOD***

Nosov Il'ya Sergeevich

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk
classic3@list.ru

The article provides a comprehensive study of the usage of phraseologism “to shed blood” in the “Primary Chronicle”. The analysis indicates that the mentioned phraseme, being a Biblicism, is a component of culturally valuable paradigm which forms moral values of Christian consciousness. The author clarifies the nuclear meaning of “to kill, to take life”: in all contexts these meanings are represented not just as a verbalization of a concrete action but rather as a marker of ethical evaluation of this action; in certain contexts the meaning of “murder according to common law norms (blood feud, ordeals)” is realized.

Key words and phrases: Old Russian phraseology; phraseology of “Primary Chronicle”; semantic field “to kill”; phraseme “to shed blood”.